

СЕРГЕЙ КОНЯШИН

БРИГАНТИНА В ПЕСКАХ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Сергей Коняшин
Бригантина в песках

«Автор»

2020

Коняшин С. С.

Бригантина в песках / С. С. Коняшин — «Автор», 2020

Лирический эпос Сергея Коняшина – это в первую очередь поэтическое и глубоко эмоциональное восприятие современности сквозь призму истории, сосредоточенное осмысление человеческих судеб и характеров. Решительный протест против лжи и фальши, неистребимое стремление к справедливости и добру, пылкий патриотизм – основные лейтмотивы его стихотворений. На страницах "Бригантины в песках" легенды о борьбе, славной гибели и великих подвигах плотно переплетаются с грустью и болью, через которые неизбежно пролегает путь к счастью. Мечты и воспоминания, переходящие в явь, напоминают читателю о необходимости быть великодушным, стойким и смелым перед лицом подлости и неправды. Ведь неустанная борьба под аккомпанемент грозных маршей выстраданных побед – это и есть подлинная жизнь. А ее ритмы, порой то чеканные, то напевные, то разрывающие на части душу, так отчетливо напоминают песню, звучащую в сердце каждого из нас.

© Коняшин С. С., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава	5
Секирная гора	6
Ночной расстрел	7
Судьба	8
Пустите в море альбатросов	9
Я уйду...	10
Абордаж	11
Поисковики	12
Песня торгового барка	14
Высоцкому	16
Мечты о море	17
Гитаре	19
Воспоминания о Соловках	20
Плайя Хирон	23
Багровый хамсин	24
Возвращаясь в Россию	26
Упрёк и угрозы	27
Октябрь в Шереметьеве	29
Спартак	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Бригантина в песках

Глава

Любимой жене Ноеми́ А.-Г. посвящаю эти стихи

Секирная гора

Секирная гора –
Крутой горбатый склон,
Как иеромонах в изношенной сермяге.
Гремят колокола
И их кандалный звон
Печалит лик Христа на вылинявшем стяге.

Когда однажды вдруг
Рубиновый рассвет
Нарушил стройный ход ночных богослужений,
Я понял цену всех
Расстрелянных побед,
Бессмысленность молитв и горечь достижений.

Я вышел из руин
И поднялся впотьмах
На роковой рубеж у проклятого склона,
А там лишь буквы СЛОН¹
Ржавеют на столбах
В хрустальном свете звёзд созвездья Ориона.

Нет! Пусть горят костры,
Трещит в огне трава –
Коль издревле у нас в крови самосожженье!
Пусть пламенем святым
Сгорят те острова,
Ведь первородный смысл огня – преображенье.

20 января 2003 г.

Соловки

¹ СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения.

Ночной расстрел

Увидел в небе я
Звезду печальную,
И будто не во сне, а наяву
Густая кровь моя
Большими каплями
Летела в пыльную, примятую траву.

Я к бесконечности
Взлечу отчаянно,
Ведь не случайно же, как будто наяву,
Я падал медленно,
Насквозь простреленный,
В сухую, пыльную, примятую траву.

*22 апреля 2003 г.
Москва*

Судьба

Сгорают жизни
В моей отчизне,
И в вечной тризне
Скорбит душа.
Что ж, мы не боги –
Бредём, убоги,
Сбивая ноги,
Тряпьем шурша.

А в наши спины
Бьют карабины.
Как сок рябины,
Льёт кровь из ран.
И нам, похоже,
Никто не сможет,
Внушить, что всё же
Нам выбор дан.

3 мая 2003 г.

Саров

Пустите в море альбатросов

Заледенели копны тросов.
Заледенели.
На леер птицы прилетели,
И мы поймать с тобой успели
Двух альбатросов.

Зажато судно между льдами.
Зажато судно.
В студёном море выжить трудно,
И смерть, шаги считая нудно,
Идёт за нами.

И ветер свищет в такелаже.
И ветер свищет.
И, словно нищий, в море рыщет,
И, словно сыщик, слабых ищет
Средь экипажа.

Пустите в море альбатросов.
Пустите в море.
Они утопят наше горе
В пустом безжизненном просторе
Среди торосов.

*28 ноября 2003 г.
Москва*

Я уйду...

Я уйду, когда за оконцем
Через сизую зыбь дождя
К горизонту склонится солнце,
Тускло за гору заходя.
Море будет скорбеть, бушуя
У подножия серых гор.
Не простившись ни с кем, уйду я
В неизвестный немой простор,
Чтобы вместе с шальным норд-остом
Пронестись над морской волной...
Да, я знал обо всем. Мне просто
Был не нужен земной покой!
Я мечтал об одной свободе —
На вершинах опасных скал
И в морях при любой погоде.
Лишь ее я всю жизнь искал,
Чтобы яростным ураганом,
Мой корабль сорвав с якорей,
Уносил бы к далеким странам
Его бурный лихой борей.
И среди грозового шквала,
Среди пенных бурлящих волн
Я стоял бы там у штурвала,
Своих дум и стремлений полн...
Не ища ничьего соседства,
Не предав тайный свой завет,
Я вернулся бы в город детства
Через множество долгих лет.
Может, смог бы я, возвратившись,
Повернуть своё время вспять?
Чтобы вновь, ни с кем не простившись,
За мечтой вслед уйти опять...

*Новороссийск
30 июля 2004 г.*

Абордаж

Пиратский бриг захлёбывался течью.
И, пригвождённый шпагою к бревну,
Их капитан, разорванный картечью,
Руками гладил пенную волну.

Он час назад услышал с полубака
Надсадный залп с фрегата короля
И усмехнулся: этим ли собакам
Пугать пиратов пушкой с корабля?!

Он матерился весело и смачно.
И приказал разрезать такелаж,
Чтоб намотать концы его на мачты.
И крикнул: «Будем брать на абордаж!»

К чертям молитв пустое боголепье!
Корсару путь закрыт на небеса.
И ядра, крепко спаянные цепью,
Крошили мачты, рвали паруса.

И на канатах загнанные люди
Неслись с ножами в выбитых зубах
На борт, где сталь проваливалась в груди
По рукоять в израненных руках.

Не видели ни яростней, ни злее
Сражения ни Бог, ни даже чёрт,
И кровь, перехлестнувшись через леер,
Густой струёй стекала на фальшборт.

Отсюда сотни миль к ближайшей суше –
Живым уйдёшь ты сам или твой враг.
Хрипя, из тел вываливались души
И развевали ветром чёрный флаг.

Жаль, капитан не видел той атаки
И не узнал, что их корабль – наш!
Не страшно, что убит он в этой драке.
Ведь он успел сказать: «На абордаж!..»

*22 августа 2005 г.
Москва*

Поисковики

Мы сгребаем дрожащей рукой
Твои кости в ведро на раскопе.
Ты убит той суровой зимой
В сорок первом году под Москвой
И засыпан в немецком окопе.

Здесь погиб штурмовой батальон.
Мы прошли по следам твоей роты.
ППШ, две гранаты, патрон,
Котелок и пустой медальон –
Весь итог поисковой работы.

Ты вернуться с войны обещал
Кареглазой знакомой девчонке,
А потом твой отец прочитал,
Как ты друга в бою защищал,
В опоздавшей на год похоронке.

Грязь с находок счищает рука.
Вот награда за мили похода:
На простреленном дне котелка
За строкой проступает строка –
Это имя и адрес комвзвода.

Наконец этот лес мы нашли,
Где с боями прошла твоя рота.
Здесь на мёрзлые комья земли
Из-под чёрных бушлатов текли
Струи крови и горького пота.

Есть дома, где их души кричат
За некрашеной рамой оконной.
Их сердца для кого-то стучат.
Там, как в церкви, не гаснет свеча
Перед маленькой старой иконой.

Нам не выдаст никто ордена,
Нам не пить и не петь о Победе,
Но для нас это та же война –
За фамилии и имена,
За последнюю память о деде.

Наши руки сжимают не штык,
А всего лишь простую лопату,
Чтобы смог положить фронтовик
В День Победы букет из гвоздик

На могилу погибшему брату.

25 января 2006 г.

Москва

Песня торгового барка

Что вы кружитесь, чайки,
Надо мной в вышине?
Уж последние гайки
Заржавели на мне.

Как от скверной болезни,
Разошлись люверса.
Крепко стянуты сезни –
Не отдать паруса!

Я не видел свободы
Восемь призрачных лет,
И на вольные воды
Мне надежд уже нет.

На два румба ошибся
Пьяный контр-адмирал.
Я о банку расшибся,
Килем мель пропахал.

Оверштагом эскадра –
С курса прочь моего.
Бьют флажки, словно ядра:
«Оставляйте его.

Грот и фок – на гитовы.
Экипаж – на баркас.
Груз – на флагман. Готовы?
Обойдётся без нас».

Размывала корветы
И фрегаты заря.
Я считал силуэты,
Им в кильватер смотря.

Они все уходили,
А я был ещё жив.
Но меня превратили
В безобразный блокшив.

Океан, как собака,
Борт мне лижет волной.
Я от юта до бака
Полон злобы пустой.

Я обрюзг, я задохся

И слегка окосел,
Но бушприт не разохся,
Гафель вроде бы цел.

Словно в раны, мне в щели
Солью жжёт горячо.
Да, порвало брамсели,
Но не вечер ещё.

Меня в море отыщет
Одноглазый пират
И на рваное днище
Нашабашит заплат.

Вновь откроются люки,
Растряся песок.
Вздернут крепкие руки
Черный флаг на гюйсшток.

Мне ползет на ванты
Вся портовая рвань,
Чтоб настроить секстанты
И расправить бизань.

Напрягутся марсели –
Сухожилия рей –
И сорвут меня с мели
На просторы морей.

Что, не ждали подарка?
Я не так уж и стар,
Из торгового барка
Превратившись в корсар.

*22 января 2007 г.
Москва*

Высоцкому

Сцена – очень тяжёлое бремя, но
Твоё имя – главная роль!
Всем актёрам страны одновременно
Не сыграть твою жизнь – и боль.

Ты один, кто узнал те количества,
При которых не нужен ад,
Когда струны, как ток электричества,
Бьют по пальцам, ложась на лад.

Ты на грифе гитары пульс Родины
Смог прощупать своей рукой,
Чтобы спеть о российском народе нам,
Как не смог бы никто другой.

Ты открыл в русском сердце отдушины,
Недоступные для других,
И на мелкие части рвал души нам
Твой охрипший от крика стих.

Ты сумел отстрадать и отмучиться
За потомков на век вперёд,
Но у нас, извини, не получится
За тебя завершить полёт.

25 июля 2007 г.

Москва

Мечты о море

Мне приснился опять мой далёкий порт,
Шелест волн с перекличкой чаек,
Тяжесть джинсовых в море промокших шорт
И от пота взопревших маек.

И я вспомнил, как мы на вершине скал
Всё мечтали, смотря на море,
О далёких пассатах, и я искал
Бриг-корсар в голубом просторе.

Он с норд-остом врывался в мою мечту,
Трюмы золотом были полны,
Он шёл прямо ко мне и на всём ходу
Прорубал узким носом волны.

Он из адского пекла вернулся цел –
«Чёрный Роджер» победно реял,
И болтались остатки иссохших тел
На побитых картечью реях.

Там пираты пели, что море – их дом,
В жилах кровь от их песен стыла,
А они жадно пили кубинский ром,
Вспоминая, как это было...

Как в кровавых сраженьях, казалось мне,
Они грабили галеоны.
Те, что ныне гниют глубоко на дне
От Америки до Альбиона.

В оверштагах крутых надрывался лаг,
Когда гнали суда в фиорды,
Чтоб согрели клинки их голодных шпаг
Своей кровью князя и лорды.

И когда их трюм был сокровищ полн,
Они в порт сквозь шторма спешили.
И бушприт высекал из свирепых волн
Струи горько-солёной пыли.

Там со свистом надсадным рвал хлыст тугой
Спины пленных гребцов-испанцев.
И стоял там с подзорной своей трубой
Капитан у разбитых шканцев.

Где причалят они, он не знал и сам –

Им любые подходят дали.
Лишь бы там было много весёлых дам
Да покрепче грог наливали.

И я с грустью в безбрежную синь смотрел,
Когда с гор мы спускались с братом.
Я искал тот корабль, а сам жалел,
Что не стать мне таким пиратом.

20 октября 2009 г.

Москва

Гитаре

От всех нехитрых благ земного шара,
Я лучших дней давно уже не жду.
И потому лишь ты, моя гитара,
Последний друг мне в будничном бреду.

Я часто мог прижать к груди, как друга,
Тебя одну на всей большой земле
И слушать, как струна твоя упруго
Звенит в опустошённой полумгле.

Не пела в те минуты ты пророчеств
И не плела спасительную нить,
Ты просто дни шемящих одиночеств
Мне очень помогала пережить.

Ты никогда меня не предавала,
Всегда звучала в такт моей души
И тихим перебором согревала
В холодной и безжизненной глуши.

И ты, конечно, помнишь, как звучали
Все песни, что я нам с тобой играл,
Ведь струны сами мне напоминали,
Когда я вдруг аккорды забывал.

Но, пережив ненастья и невзгоды
И разогнав сгущавшуюся мглу,
На дни, недели или даже годы
Я часто оставлял тебя в углу.

Прости мне это, верная подруга,
Прости все дни забвения в пыли,
И не кори рассеянного друга,
Напомни лучше ту – про корабли...

*14 ноября 2009 г.
Москва*

Воспоминания о Соловках

Я давно не был на Соловках.
Видно, север даёт мне тайм-аут.
И теперь вместо птиц в облаках
В моих сжатых от солнца глазах
Отражается злой Хадрамаут.

И когда я охвачен хандрой,
Как в минуты тяжёлой болезни,
На гитаре своей боевой –
Она в Йемене тоже со мной –
Я пою соловецкие песни.

Те, что в нашем надёжном кругу
Так давно мы не пели все вместе
На далёком морском берегу
И под снежную злую пургу.
Я пою их в арабской сиесте –

И мне кажется, что лишь вчера
Я покинул холодные дали,
Где в лесах нас жрала мошкара,
Сквозь норд-осты рвались катера.
Будто только вчера вспоминали,

Как нас в море трепали дожди,
Как нам чайка за бортом кричала.
А мы всё продолжали идти
К появившимся там, впереди,
Накренившимся сваям причала,

Где на рейде толпились суда,
Богомольных паломников полны,
За кормою бурлила вода.
И, пожалуй, уже никогда
Не забудут студёные волны,

Как в тени монастырской стены
Над багрянцем вечернего моря
Звон упругой гитарной струны
Разрывал пелену тишины,
Словно шелесту волн этих вторя.

А мы грелись от углей костра,
Как в одежде из тёплого плиса,
И могли просидеть до утра,
Наплевав на морские ветра

И на вздохи холодного бриза.

Там над морем сгорала заря,
Прорезая лучами оконца,
Купола и дома серебря
И алеющей рябью искря
В переливах закатного солнца.

Но сейчас на тех окнах узор –
Словно севера злые оскалы.
Похоронен в сугробах Фавор,
Слепят снегом глазницы озёр,
И пурга замечает каналы.

И пусть я сейчас в горной Сане,
Иссушающим солнцем согретой,
Но теперь почему-то вдвойне
Очень хочется вырваться мне
В соловецкое первое лето –

В то, где в глядах студёной воды
В тишине векового покоя
Отражаются храм и кресты,
Где струятся молитвы, и ты
Тихо крестишься у аналоя.

И пусть к вере мы часто глухи,
Я надеюсь, в минуты печали
Бог простит мне в том храме грехи
И небрежные эти стихи,
Что недосочинил на причале

Про угрюмый и сумрачный край,
Что не знает чинов и различий,
Где для каждого спрятан свой рай,
Если любишь дорогу и грай
В опустевшем лесу стаи птичьей.

В тот суровый и чистый покой
Будут рваться теперь наши души
Сквозь туман беломорский густой
Над всклокоченной штормом водой
И скупыми обрывками суши.

И я верю – на тех островах,
В нашей дружбой проверенном месте,
На как будто застывших в веках
И в немой тишине Соловках,
Мы ещё соберемся все вместе...

*Декабрь 2010 г.
Сана, Йемен*

Плайя Хирон

Над заливом Свиной по деревьям ударили пули,
Вышибая на жаркий песок разможжённые щепки,
А вдали корабли чёрным дымом от борта блеснули,
Накрывая огнём редких дотов бетонные слепки.

Самолёты кружили в горячем апрельском рассвете,
Расчищая снарядами путь для отрядов десанта.
В лужи грязи и крови валились под взрывами дети,
И по спинам убитых шагала нога оккупанта.

Враг бесчислен, жесток. Он пришёл покарать непокорных –
Не смирившихся с подлостью, жадностью, рабством и ложью,
Отучить от идей о свободе и равенстве вздорных
И заставить их биться, как прежде, угодливой дрожью.

Гробовой тишиною смирили свой стук кастаньеты,
Когда радиодиктор прочёл леденящие вести,
И крестьяне, насупившись, наспех точили мачете
В онемевшей от ужаса душной и знойной сиесте.

Неужели напрасны бывшие победы и вера?
И запретные книги, что втайне читали запоем?
Разве кровь, что лилась в золотые пески Барадеро,
Будет попросту смыта кипучим хрустальным прибором?

Как понятны тогда оказались простому народу
Те слова Че Гевары, что эхом гремят в поколениях:
«До победы всегда! За Отечество, честь и свободу!
Лучше смерть на ногах, чем позорная жизнь на коленях!»...

Обожжённые пальмы, воронки, руины и трупы –
У свободы всегда послевкусие крови и пота.
В беспощадных сраженьях разбиты ударные группы,
И на корм осьминогам уходят остатки их флота.

Значит, в небе опять разовьётся победное знамя
С той огромной сияющей гордой алмазной звездой,
Его ветер раздует, как свежее вольное пламя,
Над истерзанной в битвах, но всё же свободной страной.

*Март 2012 г.
Тринидад – Камагуэй, Куба*

Багровый хамсин

2²

Светлой памяти Айдара Т.

В клубах дыма и пыли
Тусклый солнечный блин
Алой кляксой навyleт
Прожигает хамсин.

Снова густо дымится
Запах крови вокруг,
И уже не садится
Закурить рядом друг.

К безутешной невесте
Комом горя и слёз
Улетает груз-200
В край дубов и берёз.

А здесь пахнет шафраном,
Перцем, бхуром³ и хной,
И опять караваном
Бродит смерть за спиной,

И опять трассерами
Пули небо чертят,
И опять над горами
Скорбно звёзды блестят.

Будто остановился
Ход судьбы на часах,
Но как я ни крепился,
Ни в сухих голосах

И ни в звоне гитарном,
За тот бешеный срок
Что-то ближе не стал нам
Этот Ближний Восток.

Будто в пепельной хмари
Промелькнули те дни,
И как в старом кошмаре

² Хамси́н (араб. «пятьдесят», от легенды о 50 джинах, наказывающих людей) — сухой, изнуряющий, очень жаркий ветер, сопровождающийся плотными песочными бурями, в странах Ближнего Востока. При штормовой силе ветра и невозможности дышать из-за поднятой с земли пыли температура воздуха при хамсине нередко превышает +40 °С.

³ Бхур – арабские благовония.

Повторятся они.

Снова красным закатом
Расцветут облака,
И внезапным раскатом
Прогремит ДШК.

А насупленным утром
В неживой тишине
Запестрят перламутром
Эвкалипты в окне.

И опять с минарета
Прокричит муэдзин
Сквозь багрового цвета
Непроглядный хамсин.

*Октябрь 2012 г.
Сана, Йемен*

Возвращаясь в Россию

Ноэми А.-Г.

В чёрном небе рассыпаны звёзды,
Мне под ними уже не уснуть –
В трудных мыслях российские вёрсты
Отмеряют обратный мой путь.

Там не раз мне, конечно, приснятся
Под румяной янтарной зарёй
Стаи птиц, что угрюмо кружатся,
Над далёкой бесплодной землёй,

Где, как башня из пылких рубинов
В блеске взрывов гранат и ракет,
Под отчаянный крик муэдзинов
За окном багровел минарет,

Как нас ночью из тёплой постели
Поднимал, грохоча, автомат,
И взбешённые пули свистели,
В стены нам отбивая набат.

И не раз в той лихой круговерти
Под свирепым кипящим свинцом
Мне казалось, что линия смерти
Вокруг нас замыкалась кольцом.

Мне тогда был последним спасеньем
Твой портрет на оглохшей стене –
Он питал моё сердце терпеньем
И мечтой о сияющем дне,

Когда в радостный миг нашей встречи
Я, как будто, шагнув в забытье,
Обниму тебя крепко за плечи
И шепну тихо имя твоё.

11 января 2013 года

Сана, Йемен

Упрёк и угрозы

*Перевод с арабского*⁴

Ты пируешь, а я голодаю.
У нас, бедных, вопросы просты:
Почему я деревья сажаю,
Почему я поля орошаю,
Но плоды пожинаешь с них ты?

Почему меня губит работа,
Солнце спину сжигает огнём,
И мой серп пьян от горького пота,
Но богатство в руках у кого-то,
Кто был вором, а стал королём?

Отвечай же мне, подлый правитель!
Мне не нужно молчанья в ответ.
Если нет – пусть Аллах-избавитель
Тебя в адову свергнет обитель,
Где мерзавцам спасения нет.

Я годами назло лихолетью
Твою жадность слезами поил,
А ты строил мечеть за мечетью,
Отнимая железом и плетью
Всё, что я для детей утаил.

Ты с усмешкой царя-изувера.
Растоптал мой несчастный народ.
Умерла в правосудие вера,
И на чёрный прицел револьвера
Уже взят твой зарвавшийся сброд.

Ты себя оградил от лишений,
А меня – от подарков судьбы.
Я не стану просить подношений.
Просто завтра в дыму разрушений
Ты узнаешь, кем были рабы.

Ты зажмуришь в слезах свои веки, –
Гнев в сердцах наших долго вскипал –
И прольются багровые реки,
И твой факел потушит навеки

⁴ «Упрёк и угрозы» – четвёртая касыда из поэтического цикла «По дороге к заре» (1967 г.), посвящённого антимонархической революции 26 сентября 1962 г. в Северном Йемене, известного йеменского поэта Абдаллаха аль-Бараддуни (1929-1999 гг.).

Революции яростный шквал.

Преступлений твоих день вчерашний
Проклял всей твоей жизни исход.
Ты расставил дозоры и башни,
Разорил наши села и пашни,
Но не смог оковать небосвод.

И когда в грозном очищены
Небеса из немых облаков
Поразят тебя в праведном мщеньи,
Положи все мольбы о прощеньи
Под покров совершённых грехов.

Ты тогда не уйдёшь от ответа
На вопрос, что был задан не зря.
И в лучах золотого рассвета
Я впервые за долгие лета
Прошепчу: «Ты прекрасна, заря!»

6–7 марта 2013 г.

Сана, Йемен

Октябрь в Шереметьеве

Облака в небесах караваями белого хлеба
Незаметно скользят в безотрадной тиши октября,
И вдоль рваных краев огрубевшего хмурого неба
Наливается матовым светом скупая заря.

В её отблесках, словно окутанный бронзовым шёлком,
Умирает дождливый задумчивый слякотный день,
И в сыром подмосковном лесу зубоскалящим волком
На бугры серых мшар наползает тревожная тень.

Осень сыплет устало с деревьев увядшие листья,
И они меж ветвей бесконечно кружат вновь и вновь.
Я как будто врисован в пейзаж этот сказочной кистью,
Лишь тугими ударами в сердце колотится кровь.

Я дышу полной грудью вечерней сгустившейся тьмою,
И озябшие ноздри щекочет болотный дурман –
Эта волглая хлябь так отчётливо пахнет зимою,
Но её приближенье скрывает холодный туман.

В эти грустные дни мне по-прежнему хочется верить,
Что я сяду, как в детстве, у пламенной русской печи,
И сквозняк распахнёт вдруг скрипучие шаткие двери
И небрежно согнёт беспокойное пламя свечи,

В землю гневно ударят дождём разъярённые грозы,
И лохматые тучи прольются свинцовой водой,
И забытые мной наши русские злые морозы
Уже скоро согреют мне сердце родной теплотой.

*27 октября 2013 г.
Хлебниково*

Спартак

*Consumor aliis inserviendo*⁵

На горячий песок Колизея
Я под жадные крики ступил.
Грязный плебс, ненасытно глаза,
В сотни глоток ревел и вопил.

Мой отравленный разум дурманил
Его дикий беснующий ор,
Но глашатай уже барабанил,
И я крепче в руке сжал топор.

Я был брошен на эту арену
Развлекать пьяный мерзостный сброд
За гражданский мятеж, за измену,
Потому что за мной шёл народ –

Те, кому опостылело рабство,
Кто нашёл в себе смелость восстать
Против тех, чьи чины и богатство
Не давали нам права роптать.

Мы, взяв в руки мечи, утопили
Наших подлых хозяев в крови
И на их ненавистной могиле
В землю сбросили цепи свои.

В нищете и тяжёлых лишениях
Под напором элитных гастат⁶
Мы громили в жестоких сраженьях

⁵ Сгораю, светя другим (латинская поговорка).

⁶ Гастата (от лат. *hastati* — букв. «копейщики», *hasta* — «копье») —отряд бойцов авангарда тяжёлой пехоты в армии Римской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.